

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЛИТЕРАТОРЫ

И

ЛИТЕРАТУРА

Зинаида Гиппиус
Литераторы и литература

«Public Domain»

1912

Гиппиус З. Н.

Литераторы и литература / З. Н. Гиппиус — «Public Domain»,
1912

«О многих книгах последнего времени стоит упомянуть. Есть мнение, что наших новых писателей стало ныне влечь к большим вещам, к роману, и что это влечение – показатель некой литературной зрелости. Не знаю, в зрелости ли дело. Просто, я думаю, совершается естественное освобождение от «чеховщины». Миниатюра Чехова – целая эпоха. Это была литературная революция, – необходимая, конечно, и для общей эволюции литературы. Но теперь Чехов остался позади. Пережит, пройден, – хотя не превзойден. Тяготение к «роману», действительно, есть. Однако до сих пор чувствуется во всех новых наших романах какая-то несоответствующая легкость письма, не архитектурность, не цельность, отсутствие формулы, а единая и ясная формула – непереносимое условие большой вещи. Незаконченность чувствуется; она так мила в каждом чеховском «пустячке», но, помимо Чехова, редко кому вполне удавалась...»

© Гиппиус З. Н., 1912

© Public Domain, 1912

Зинаида Гиппиус Литераторы и литература

О многих книгах последнего времени стоит упомянуть. Есть мнение, что наших новых писателей стало ныне влечь к большим вещам, к роману, и что это влечение – показатель некой литературной зрелости. Не знаю, в зрелости ли дело. Просто, я думаю, совершается естественное освобождение от «чеховщины». Миниатюра Чехова – целая эпоха. Это была литературная революция, – необходимая, конечно, и для общей эволюции литературы. Но теперь Чехов остался позади. Пережит, пройден, – хотя не превзойден. Тяготение к «роману», действительно, есть. Однако до сих пор чувствуется во всех новых наших романах какая-то несоответствующая легкость письма, не архитектурность, не цельность, отсутствие формулы, а единая и ясная формула – неперемное условие большой вещи. Незаконченность чувствуется; она так мила в каждом чеховском «пустячке», но, помимо Чехова, редко кому вполне удавалась.

Если же случится встретить «содержание» в современном романе, потуги на идею, на «формулу», как я называю, то... жаль сказать, грех умолчать – лучше бы ничего этого и не было! Ведь стыдно даже приняться за серьезный разбор «идеи» в арцыбашевских романах. Вот хотя бы в последнем, где автор навязывает нам искаженные обрывки мыслей Достоевского, и навязывает с поистине безбожной грубостью. Когда, после длинной цепи монструозных смертей, сцен и диалогов, улавливается, наконец, последний герой, – читатель положительно не знает, что же ему с этим делать, как к этому отнести? Смутно жалеет: чего, мол, он сразу их всех не передал? Ведь уж давно бы пора...

И вы думаете, это плохо написано? Нет, даже Арцыбашев – и тот пишет, в известном смысле, так хорошо, такие у него яркие подробности, такие топкие черты (в описании похорон офицера Краузе, например), что и у Чехова редко встретишь, а уж о Тургеневе и говорить не стоит: манная кашка на кисло-сладком молочке. Очень хорошо пишут современные беллетристы, очень хорошо. И как-то даже так выходит, что чем бессодержательнее, беспомощнее произведение внутренне, тем лучше оно написано, нежнее, острее и красивее подробности. Ничего я не знаю беспомощнее и пустее романов гр. Алексея Толстого (нового). Этот писатель решительно не стоит на своих умственных и душевных йогах, – да позволено мне будет так выразиться. А между тем он из всей плеяды «прекрасно пишущих» пишет, кажется, наиболее прекрасно. Возьмем последний (8-й) альманах московского книгоиздательства «Земля». Тут Арцыбашев, – я уже отметил, что и он, в смысле подробностей, не хуже других. Тут Чириков, – ей-Богу, Чириков тоже отлично описывает, он не без чуткости и давно схватил новую манеру. Да что Чириков! Саша Черный, бедный, маленький, безответственный Саша Черный, – и он превесело, пресочно написал свое «Первое знакомство». В рассказе есть даже... ну, не содержание, а смысл. Правда, он «сам вышел», помимо авторских намерений, смысл, скорее, документа... Это – «первое знакомство» молодого интеллигентского пролетария с деревней, с русским народом. Пролетарий новенький, вчерашний, только что соскочивший с наисовременнейшего петербургского тротуара, как водится – не помнящий родства; разве не поучительно первое его знакомство, пусть самое поверхностное, с угрюмой и седой глушью народной? Разве не любопытны его наивные мнения и впечатления? Он, конечно, думает, что глубок, что описывает «народ»; но описывает себя, и для наблюдательного читателя это описание представляет большой интерес.

Возвращаюсь: я хотел отметить, главным образом, что и Саша Черный, в смысле языка, мелких черточек, подробностей, нисколько не уступает другим. Просмотрим бегло, не оставляя данной точки зрения, последние альманахи. Вот первый сборник «Товарищества писателей». И тут все, или почти все, очень хорошо. Великолепный «Медвежонок» Сергеева-Ценского. Гр. Толстой, как всегда, блещет талантливостью, яркостью стиля («Хромой барии»), –

что не мешает «роману» быть, как всегда, очень забвённым, вряд ли существующим. Талантливый Ив. Шмелев еще не совсем выработался в новую сторону, как-то переборщил нынче и в бессмыслии, и в погоне за «яркостью» описаний. Его «Пугливая тишина» не вышла; но и он вскорости будет великолепно писать, – «как все». Даже писатели из «Знания» (сборник 28) уже не отстают. Гусев-Оренбургский, хотя, по привычке, тягуч и скучен, но тоже явно хочет щеголять «писанием», и порой щеголяет не неудачно. В альманахе «Жатва» (зима 1912) – имена, которые сами говорят за себя: Сергей Городецкий, Ремизов... Но и Курлов и даже какой-то Верхоустинский – и они, право, пишут далеко не плохо. Все одинаково «забвенны» – и всех одинаково приятно читать. Прямой – чересчур, может быть, прямой – последователь Чехова Н. Киселев («Миражи», московское книгоиздательство) умеет на одной странице дать столько тонких штрихов, что Чехов бы удивился такой роскоши. Киселев – пока очень небольшой писатель, он еще не выбился из подражательности; от каждого его рассказа слишком пахнет Чеховым; «Болезнь» – даже в подробностях повторяет «Черного монаха»; кроме того, г. Киселев часто повторяет чужие «модернистские» словечки; например, слово «слепительный» у него чуть не на каждой странице. Все это минусы немаловажные; и однако рассказы «написаны» ничуть не плохо, Тургенев и перед Киселевым, с известной точки зрения, – банальщина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.